

Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев

ЭПОХА ПЕРВИЧНОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА

Вводные замечания

Начало политогенеза. Политика как область отношений по поводу властных полномочий [Smelser 1988] возникает едва ли не с момента верхнепалеолитической революции. Однако в обществах охотников-собирателей властные системы оставались крайне слабо дифференцированными и мало интегрированными, впрочем, они вполне коррелировали с уровнем демографических показателей. Власть, как правило, держалась на половозрастной стратификации, на личных качествах и авторитете руководителя, тесно связывалась с умением вожака обеспечить коллективу достаточно приемлемую жизнь (это последнее нередко наблюдалось даже у примитивных земледельцев, особенно неоседлых, например: [Леви-Строс 1984]).

Тем не менее у охотников-собирателей существовали релевантные различия в сложности социально-политической организации. Если для большинства неспециализированных охотников-собирателей были характерны акефальные эгалитарные общества, то, как было показано Дж. Вудберном и О.Ю. Артемовой [Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; 1988b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981], некоторые из социумов неспециализированных охотников-собирателей (прежде всего австралийские аборигены) являлись неэгалитарными. Они демонстрировали существенно отличный тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках относительно иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин¹.

Среди специализированных («высших») охотников-собирателей и рыболовов Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Аляски и Алеутских островов, Северо-Западной и Юго-Западной Америки, Гренландии известны уже достаточно высоко структурированные формы социальной организации, иногда в некоторых отношениях даже превосходящие по

уровню своей сложности таковые у многих ранних земледельцев (см., например: [Шнирельман 1986; 1989; 1993; Townsend 1985; Аверкиева 1978; Даунс 1978; Файнберг 1968; Фрейхен 1961]). Однако такая эволюция была тупиковой, так как имела место лишь в исключительно благоприятных природных условиях, и не могла ни при каких условиях быть распространена на другие общества.

Аграрная революция (точнее ее первый этап, связанный с переходом к примитивному земледелию и первичному скотоводству [Grinin 2006; 2007b; 2007c; Гринин 2009; Гринин, Коротаев 2009]) открыла период глубоких социально-демографических изменений. Для нашей темы важно отметить, что в конечном счете рост численности и плотности населения, а также размеров поселений привел к увеличению значимости властно-политических отношений как внутри социумов, так и между ними, включая и значимость войн.

Однако для того чтобы общества, подобные традиционным социополитическим системам Новой Гвинеи, могли эволюционировать к более сложным формам организации, часто требовалось, по образному выражению Ж. Бюрдо, «вылечить власть» от паралича безличности первобытного оцепенения, то есть требовалось появление власти вождя [Burdeau 1966]. Поэтому образование первых политий уровня простых вожеств и их аналогов (то есть социально-политических систем средней степени сложности), без сомнения, явилось одним из самых важных макроэволюционных изменений². *Подобные важнейшие (хотя очень редкие) качественные макроизменения, которые значимо повышают сложность, приспособленность и уровень взаимного влияния обществ, а также впоследствии открывают новые направления развития многим социумам, мы назвали социальными ароморфозами* (см. подробнее: [Гринин, Коротаев 2007, 2009; Гринин, Марков, Коротаев 2008]).

Формы организации обществ при этом могли быть самыми разными: более или менее централизованные вождеские политии, самоуправляемые городские, храмовые и крупные сельские общины; децентрализованные безвождеские племена, а также различные среднесложные акефальные социально-политические системы (см., например: [Березкин 1994а; 1994б; 1995а; 1995б; 1997; 2000]). С этого периода политиче-

ской организации уже можно говорить о *политогенезе* в полном значении этого слова.

Однако в большинстве такого рода социумов потребность в систематическом профессиональном управлении была слабой или вовсе отсутствовала, а функции центральной власти вполне могли осуществляться различными альтернативными субсистемами. Нередко даже ирригационные работы велись самостоятельно сельскими общинами без участия вождей или иных правителей надобщинного уровня (см., например: [Родионов 1994; Claessen 2004: 79; Leach 1970]).

Образование первых ранних (архаичных, примитивных) государств и их аналогов (то есть сравнимых по уровню социополитической и функциональной сложности с ранними государствами политий негосударственного типа — см. о них дальше) стало еще одним крупнейшим ароморфозом.

В настоящей статье анализируются макроэволюционные процессы, имевшие место в течение длительных позднепервобытных и раннецивилизационных периодов. Эти периоды захватывают два вышеуказанных крупнейших ароморфоза, то есть: а) формирование в той или иной степени регламентированной политической подсистемы, начиная от догосударственных политий уровня сложности вожеств и их аналогов; б) формирование ранних государств и их аналогов и обретение ими определенных институциональных черт. Весь этот период условно назван нами *эпохой первичного (или начального) политогенеза*. Первичного потому, что на процессе формирования ранних государств политогенез не останавливается, а продолжается в течение всей эволюции государственности от раннего к развитому и даже зрелому государству (см.: [Гринин 2010; Grinin 2008; Grinin, Korotayev 2006])³. Эпоха первичного политогенеза соответственно делится на две субэпохи: 1) период формирования вожеств и их аналогов, который мы далее будем называть периодом *среднесложных обществ* (догосударственным), или *периодом старшего ароморфоза*; 2) формирование и развитие ранних государств и их аналогов — *период сложных обществ* (раннегосударственный), или *период младшего ароморфоза*⁴.

В статье представлен обобщенный теоретический анализ хода и моделей политогенеза на широком фоне позднепервобытных процессов, при этом формирование собственно ран-

них государств (*государствогенез*) рассматривается как составная часть политогенеза. Наши дефиниции раннего государства и аналога раннего государства приведены в статье Гринина [2012: 10].

Политогенез vs государствогенез. Термин «политогенез» предложил Л.Е. Куббель [1988б], он же начал и активно использовать этот термин. Но Л.Е. Куббель, как и многие из тех, кто сегодня пользуется этим понятием, приравнивал политогенез к процессу формирования исключительно государственности (см., например: [Куббель 1988б: 3]). Такой взгляд вытекал из очень распространенного, но тем не менее устаревшего взгляда, согласно которому: а) все негосударственные формы, по определению, являются догосударственными; б) развитие политических институтов и форм вело непосредственно к образованию государства; в) любое неразвитое государство, естественно, сложнее любого негосударственного общества; г) политические отношения возникают только с появлением государства.

Однако политогенез невозможно свести только к образованию государства хотя бы потому, что параллельно с государством существовали и развивались сложные политии негосударственного типа, которые по уровню развития никак нельзя отнести к догосударственным (см. об этом: [Grinin 2003; 2004]). Следовательно, необходимо констатировать сведение более широкого процесса формирования различных политических институтов, то есть политогенеза, к более узкому процессу формирования государства. Между тем, как справедливо заметил Г. Льюис, существует огромное богатство организационного разнообразия негосударственных обществ по всему миру [Lewis 1981: 206]. Для того чтобы избежать этих натяжек и ошибок, нами разработаны новые подходы к концепции политогенеза (см.: [Korotayev, Kradin, de Munck, Lynsha 2000; Коротаев, Крадин, Линша 2000; Коротаев 2003; Гринин 2009; 2010; 2011; Korotayev, Bondarenko 2000; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; Grinin 2003; 2004; Grinin, Korotayev 2006; 2009]).

Исходя из нашей концепции, под **политогенезом** понимается: а) процесс выделения в обществе политической стороны и формирования политической системы как самостоятельных и частично автономных структур; б) процесс

появления особых властных форм организации общества, что связано с концентрацией власти и политической деятельности (как внутренней, так и внешней) в руках определенных групп или слоев. Государствогенез является только частью процесса политогенеза (подробнее: [Grinin 2009; Grinin, Korotayev 2009; Гринин, Коротаев 2009]).

В западной антропологии понятие политогенеза отсутствует, поскольку политические антропологи считают достаточным термин *state formation process*⁵. Однако эти понятия желательно развести: политогенез должен выступать как более общее понятие, описывающее генезис политической подсистемы сложного общества, а государствогенез — как особый тип политогенеза. Поэтому было бы хорошо, если бы словарь западной политической антропологии пополнился термином *politogenesis*, который можно было бы использовать для обозначения процесса формирования любого типа сложной политической организации (см.: [Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002: 66–67]).

В результате **государствогенеза** в управлении обществом все бóльшую роль начинают играть административные, силовые и правовые методы, применяемые новыми типами военных и гражданских профессиональных управленцев-администраторов. Очевидно, что **государствогенез** «моложе» политогенеза. И подобно тому, как сам политогенез выделяется из общего процесса социального (в широком смысле слова) развития, так и на определенном этапе политогенеза начинается отпочкование от него **государствогенеза**. Стоит отметить, что государствогенез, как правило, требует гораздо бóльших территорий, населения, ресурсов для своего начала, чем иные политогенетические процессы, ведущие к образованию политий среднего уровня (типа простых вождеств и их аналогов), и в среднем даже больше, чем для образования аналогов ранних государств (см.: [Гринин 2007; 2011]). Постепенно государствогенез становится ведущим, а затем и вообще доминирующим направлением политогенеза. Поэтому и создается впечатление, что политогенез и есть собственно процесс формирования государства как политического института. Однако это совсем не так.

Государствогенез не только «моложе» политогенеза. Даже когда появились первые ранние государства, политогенез

никогда не сводился только к одной — государственной — линии. Напротив, таких линий было много, и государственная среди них была сначала исключением, а затем длительное время достаточно редким случаем (см. далее).

В соотношении политогенеза и государствогенеза нужно указать еще на одно обстоятельство. Циклы централизации и децентрализации государств, которые являются одними из самых важных исторических динамических процессов в древней и средневековой истории (см., например: [Коротаяев, Халтурина, Божевольнов 2010; Гринин 2010; Гринин, Коротаяев 2009]), в определенных случаях можно интерпретировать и как оппозицию государствогенеза и политогенеза [Гринин 2011; Grinin, Korotayev 2009]. В самом деле распад крупных (особенно незрелых) держав на мелкие части нередко приводил к появлению политий такого типа, которые нельзя отнести к государству как по причине их малого размера и слабости аппарата, так и неопределенности их суверенитета. Например, в доиспанской Мексике и Андах продукты распада ранних государств одни определяют как вожества, а другие — как малые государства или города-государства [Chabal, Feinman, Skalnik 2004: 50]. Если же учитывать различия между процессами политогенеза и государствогенеза, решение проблемы можно увидеть в ином аспекте: политогенез рождал разные политические формы, но развитие, как правило, через какое-то время вновь возвращалось на дорожку государствогенеза.

ТРАЕКТОРИЯ ПОЛИТОГЕНЕЗА В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕПЕРВОБЫТНЫХ И РАНЕЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Общие замечания о соотношении политогенеза и других социально-эволюционных процессов. Наши исследования показали, что в ряду с другими современными ему макроэволюционными процессами политогенез следует считать лишь одним из целого ряда путей, обеспечивающих поиск новых форм организации усложнившейся социальной системы (см. подробнее: [Гринин 2011; Гринин, Коротаяев 2009]). Принципиально важно иметь в виду, что в течение периода как старшего, так и младшего ароморфозов почти в любом обществе изменения совершались в разных сферах

(в технологической, политической, социальной, религиозной, этнической и др.), но а) величина, значимость и пропорции этих изменений исключительно разнообразны; б) эти изменения могли происходить в каждом обществе одновременно с большими временными лагами; в) в каждом социуме соотношение развитости различных сфер сильно варьировалось. **В итоге это создавало огромное множество комбинаций и моделей развития.**

В зависимости от множества причин главными на тех или иных этапах развития общества могли быть разные процессы, скажем, религиозные или стратификационные. Иногда главным мог быть и политогенез. Но, по всей видимости, **длительное время (по крайней мере до образования государств) в немалом числе случаев он играл подчиненную роль, и потому нередко политогенез достаточно долго скорее шел за другими процессами, чем инициировал их.** Сама же политическая власть часто была производной от других форм организации общества и других видов власти, например сакральной или основанной на личных качествах руководителя, и только постепенно обретала самостоятельность⁶.

По мере развития и усложнения общества, особенно увеличения роли войн как способа решения межобщественных проблем и одновременно способа перераспределения ресурсов, политогенез выделяется как особый, самостоятельный процесс, который затем при благоприятных условиях в некоторых случаях мог стать ведущим в развитии общества.

Сложную динамическую зависимость между политогенезом и другими процессами можно проиллюстрировать на примере связи между политогенезом, с одной стороны, и ростом размеров общества — с другой (см.: [Гринин 2007]). Последнее неизбежно вызывало рост потребности в усложнении управления, контроля, принятия норм, политических и административных решений; но, в свою очередь, усложнение структуры данной социальной системы, как правило, создавало определенные предпосылки и условия для роста размеров соответствующей социальной системы [Carneiro 1967; 1987b; см. также: Feinman 1998; Johnson and Earle 2000: 2, 181; Johnson 1981; 1982]. Представляется, что мы можем говорить здесь о механизме нелинейной положительной обратной связи между двумя рассматриваемыми переменными

ми. Точно так же как нелинейную можно рассматривать связь между ростом объема информации в некоторые периоды и повышением статуса людей, способных его освоить и использовать в собственных целях (см.: [Johnson 1978]).

Подобные сложные взаимосвязи наблюдаются и в отношении связи политогенеза с другими процессами: политогенеза и этногенеза (см., например: [Куббель 1988б; Неусыхин 1968; Гринин 2006; 2011]; политогенеза и развития религий [Godelier 1978: 767; Southall 2000; Кочакова 1999: 41–42; Гринин 2006; 2011]; появления систематического производства прибавочного продукта и политогенеза и т.д. В частности, систематическое производство прибавочного продукта в большой степени является результатом политогенеза (см., например: [Sahlins 1972b; Коротаев 1991; Гринин 2006; 2011]). Во всех этих случаях речь идет о динамической положительной обратной связи, которую нельзя однозначно рассматривать в не всегда гибких категориях «причины» и «следствия», так как один процесс является одновременно и причиной и следствием другого.

Некоторые факторы в отношении развития политогенеза можно рассматривать как катализаторы, то есть обстоятельства, которые хотя и не относятся прямо к политогенезу, но облегчают и ускоряют его ход. Примером здесь может служить появление определенных технических, технологических или производственных инноваций. Это касается, в частности, ирригации (см.: [Earle 1997; Sahlins 1972a [1958]; Wittfogel 1957; Gunawardana 1981]); распространения железа, прогресса в использовании верховых или тягловых животных; военных инноваций⁷ и т.д.

ПОЛИТОГЕНЕЗ В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД (Период старшего ароморфоза)

Говоря о догосударственных социально-политических формах, мы имеем в виду только **стадиально (принципиально) догосударственные формы**, то есть образования с социально-политической сложностью не выше простых вожеств и их аналогов (автономных, самоуправляемых или имеющих автократического правителя «городских» общин среднего уровня сложности, гражданско-храмовых обществ, различных племенных систем, крупных коллективов, возглавляемых

авторитетными людьми, например, бигменами) и т.п. Иными словами, речь идет об общественно-политических формах, которые никак не сравнимы с государством ни по сложности, ни по размерам, ни по выполняемым функциям.

Амплитуда численности населения социополитических систем среднего уровня сложности очень велика: от нескольких сот человек до нескольких десятков тысяч. Однако более или менее централизованные или компактные образования типа простых вожеств, небольших гражданско-храмовых общин и т.п. по населению располагаются в более компактном интервале — от нескольких сот человек до нескольких тысяч. Например, вожества Новой Каледонии к середине XIX в. насчитывали от 500 до 2000 человек [Шнирельман 1988: 200]; население типичного простого тробриандского вожества колебалось в районе 1 тыс. человек [Johnson, Earle 2000: 267–279]. В целом мы исходим из оценки Т. Ёрла, что население вожества в пределах централизованной региональной структуры измеряется тысячами человек [Earle 1987]. Самый верхний предел мы определяем в десять тысяч, поскольку даже его достижение, а тем более выход за него очень редко возможны для простого вожества. Территория (за исключением некоторых кочевых вожеств) также обычно не могла быть слишком большой (см, например: [Spencer 2000: 155–156]).

Население же рыхлых образований вроде нецентрализованного племени или группы этнически родственных племен, не имеющих общей политической организации, но тесно контактирующих между собой, могло достигать нескольких десятков тысяч человек и даже больше (см.: [Эванс-Причард 1985] применительно к нуэрам). Иногда при большой войне, крупном переселении и других переломных обстоятельствах они могли образовывать временную политическую конфедерацию, но обычно очень непрочную⁸.

Общее направление развития в догосударственный период

Как мы видели выше, существует сложная динамика соотношения политогенеза и других линий усложнения позднепервобытных обществ. Фактически в каждом обществе все его сферы не могут изменяться с одной скоростью, при-

чем отставшая подсистема порой подтягивается очень долго, а то и никогда не догоняет более развитую. Таким образом, общества могут в целом иметь сходный уровень сложности, но при этом одно общество может одновременно существенно превосходить другое, например, в политическом, и уступать в социальном или культурном развитии. Поэтому важно подчеркнуть, что заметное выделение политической сферы в период старшего ароморфоза было хотя и нередким, однако вовсе не обязательным явлением.

Более универсальной чертой развития обществ этой фазы эволюции можно считать появление новых видов социального неравенства и выработку первичных механизмов его закрепления.

Это выражалось, в частности, в следующем.

Во-первых, в переходе от относительной эгалитарности / половозрастной первобытной неэгалитарности (см., например: [Артемова 1987; 1989; 1991; 1993]) к неравенству, оформленному уже на новых социальных началах⁹. Возникают разные новые виды и линии социального неравенства, в том числе по признакам родовитости, богатства, должности, статуса, квалификации или способности использовать для своих целей общественные ресурсы и возможности. Во-вторых, наблюдается тенденция к аккумуляции и новому перераспределению прибавочного продукта на общие пиры, работы и постройки, содержание руководителей и жрецов, войны. Значительная часть прибавочного продукта идет в центр (например, вождю) и элите. Усиливается значение дани и военного грабежа. Расцветает престижная экономика, для функционирования которой требуются усилия выдающихся людей или администраторов (см., например: [Sahlins 1972b]).

В-третьих, проявляется тенденция к росту общественного разделения труда, которая выражается в появлении полупрофессиональных или профессиональных управителей, воинов, жрецов, древних «интеллектуалов», ремесленников, торговцев, слуг. Углубляется и межобщественное разделение труда.

В-четвертых, даже там, где политогенез задерживался, увеличение социокультурной сложности обычно сопровождалось выработкой механизмов принятия общих решений, росла роль торговли и войн. В целом, усложнение социо-

культурной структуры стимулировало развитие политической системы.

В целом в этот период начинается отделение власти от основного населения и отпочкование политической власти от иных ее видов. При этом, как бы ни была велика роль накопления богатства, престижных товаров и торговли в развитии политических структур [Earle 1997; Ekholm 1977; Webb 1975; Sahllins 1972b], значение военных и религиозных факторов могло быть еще выше. Ведь во внешних сношениях и самые отсталые социумы вынуждены были играть по политическим (зачастую достаточно сложным) правилам. Вооруженные столкновения между различными группами, по-видимому, столь же стары, как и существование обществ¹⁰. Однако есть веские основания полагать, что с образованием и развитием земледельческих и скотоводческих обществ роль войн выросла уже по причине плотности увеличения населения, а также из-за появления большего количества ресурсов, которые можно было захватывать во время войн (см., например: [Гринин 2009; 2011; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010: гл. 4]). Общеизвестна роль войн в процессе образования и укрепления вожеств, военно-политических союзов и конфедераций.

Развитие политической подсистемы обществ, с одной стороны, обуславливалось интеграцией обществ, с другой — само способствовало их интеграции, например облегчало объединение людей в политических акциях [Earle 2001: 105]. Рост интеграции также обострял борьбу за то, кто будет центром объединений, что всегда являлось важнейшим источником политической динамики (в том числе процессов распада и объединения, часто создающих длительные динамические социополитические циклы).

Но отделение власти от населения еще не есть отделение управления. Пока еще главные механизмы власти в большинстве политий были связаны с опорой на силу религии, магии, традиции, авторитета, поддержку родовых групп, личные способности. Как таковой какой-либо административный аппарат отсутствовал. Небольшие частные или вождеские дружины если и были, то, как правило, создавались для нападения на соседей и грабежей, а не для господства над соплеменниками.

Пути политогенеза в догосударственный период

В зависимости от изобилия хозяйства в целом и развития новых форм социального неравенства можно говорить о *разных* путях отпочкования политогенеза от других эволюционных процессов (подробнее см.: [Гринин 2006; 2011]).

1. Появление в редких случаях очень больших объемов прибавочного продукта (например, при особенно высокоплодородных почвах) вплоть до достаточно полного заполнения экологической ниши. При этом могла возникнуть необходимость найти эффективные способы его аккумуляции и распределения, а иногда (в зависимости от сельскохозяйственной технологии) контроля над производством, а то и прямого управления им. По крайней мере немало исследователей делают упор именно на экономической стороне деятельности вождей (см., например: [Earle 1997; Sahllins 1972a, 1972b; Wittfogel 1957; Claessen 2004: 76–77]). Правда, часть этих политий относится уже к обществам, которые следует рассматривать скорее как аналоги ранних государств, чем как догосударственные политии (см.: [Гринин 2006; 2011; Grinin 2003, 2009]).

2. Иногда в случае появления достаточного объема прибавочного продукта и сложения особой системы религии (идеологии) в роли организаторов интеграции обществ и аккумуляции прибавочного продукта выступают служители культа. Тогда управленческая сторона выделяется как добавочная к обслуживанию интересов религиозных лидеров и корпораций. В некоторых обществах в роли «зачинщиков» отделения политических аспектов иной раз могли выступать тайные союзы [Гринин 2006, 2011], создаваемые нередко с целью найти возможность оторваться от общинно-родовых традиций и защитить от их давления более состоятельную или более нонконформистскую часть населения (см., например: [Новожилова 2000; Белков 1993: 94–97; Куббель 1988a: 241]).

3. Начало политогенеза может быть связано с поиском внешних источников богатства. Неорганизованная внешняя эксплуатация очень характерна для политогенеза периода старшего ароморфоза. А поскольку война связана с определенной иерархией, необходимостью командовать и подчиняться, равно как и с неизбежным проявлением личной ини-

циативы, она способствовала развитию политогенеза и военной элиты¹¹.

4. Несельскохозяйственная деятельность (торговля, ремесло, мореплавание) может способствовать формированию особого типа политогенеза. Торговля часто обеспечивала вождя необходимым богатством, что позволяло ему привлекать сторонников [Webb 1975]. В торгово-ремесленных обществах значительно сильнее продвигается процесс специализации, усиливается развитие прежних или появление новых форм социальной стратификации и функциональной дифференциации. Кроме того, в торгово-ремесленных поселениях, как правило, выше концентрация населения, что облегчает организацию управления и нередко способствует отделению политической стороны от других. Наконец, торговля дает богатства, которые требуется защищать. А это может сильно сплачивать население.

Мореплавание резко увеличивает число контактов и их плотность. В среде морских народов часто возникают корпорации и формируются вооруженные отряды, которые могут явиться ядром политических процессов (например, при захвате территории, переселении, приглашении на службу и т.п.). Стоит отметить, что естественно ограниченная территория заметно облегчает подчинение острова, особенно небольшого, единой власти.

5. Политогенез, связанный с экстраординарной ситуацией: оборона от агрессии, переселение и т.п. В этих случаях часто ломаются традиции и принимаются жесткие решения, появляется нужда в авторитарных лидерах.

ПОЛИТОГЕНЕЗ РАННЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРИОДА (Период младшего ароморфоза)

Размеры и населенность обществ на данной стадии по сравнению с догосударственным периодом возрастают на порядок. Численность населения полities колеблется в амплитуде от нескольких тысяч до нескольких сот тысяч человек. А в конце этой стадии некоторые ранние государства могли насчитывать миллионы человек (например, империя Инков, см.: [Schaedel 1978; Kurtz 2008]).

Аналоги раннего государства

Как было показано нами в ряде работ [Grinin 2003; 2004; 2007a; 2008; Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009]), достигая определенных размеров и социокультурной сложности, с которых переход к государству в принципе уже возможен, общество может продолжать развиваться, но при этом долго или никогда не создавать раннегосударственную политическую форму. В результате возникали альтернативные раннему государству формы, которые были названы нами **аналогами** раннего государства (см., например: [Гринин 2006; 2007; 2011; Grinin 2003; 2004; 2007a; Гринин, Коротаев 2009]). По всем характеристикам их вполне можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами.

Наш анализ показал, что появление аналогов раннего государства вовсе не было каким-то исключением из правил. Напротив, именно образование раннего государства долгое время было более редким явлением в политогенезе (см.: [Гринин 2006; 2011; Гринин, Коротаев 2009]). Только постепенно в результате долгой конкуренции и эволюционного отбора форм государство стало ведущей формой политогенеза (о путях развития аналогов, о том, что переход части аналогов в государственную форму происходит с разных уровней развития аналогов, типологию аналогов и т.д. см. в [Гринин 2012]).

Общие и политические процессы раннегосударственного периода

Длительное время и во многих аналогах и ранних государствах (причем не только в зачаточных, но и даже в типичных [Claessen, Skalnik 1978b: 22–23; 1978c: 640]) объективной оставалась проблема, как **сделать поддержание новых форм неравенства и функциональной дифференциации достаточно устойчивым и легко воспроизводимым**.

Только постепенно возникают первичные **системы** институтов, идеологии и традиций, направленные на институционализацию тех или иных форм неравенства, которые в каждом обществе могли иметь свои значимые особенности и специфические формы. В некоторых (более редких) случаях права и преимущества закреплялись только в отдельных па-

раметрах, например в доступе к управлению, в других они одновременно закреплялись в разных отношениях (например, имущественных и статусных), а в третьих они шли по всем линиям: имущественной, статусной, правовой, сакральной, участия в управлении и др. Так или иначе в обеспечении неравенства происходили следующие изменения:

а) излишек ресурсов устойчиво направляется в пользу элиты и на нужды управления, храмов, на войны, престижные акции и пр.; соответственно идет формирование новых источников дохода властных структур и/или знати;

б) структура общества, как правило, приобретала более выраженный стратифицированный вид. Оно уже ясно делилось на элиту и простонародье или на управителей и управляющих (см.: [Claessen, Skalník 1978с: 640]), также возникали заметные промежуточные группы и слои, находящиеся ниже обычного статуса простолюдина (рабы и прочие неполноправные); кое-где создавалась жесткая система статусных рангов;

в) помимо развития ремесла и торговли, общественное разделение труда ясно проявляется в том, что управление, многие сакральные виды деятельности, определенные специализированные виды культурной активности, а также военная сфера частично или полностью монополизируются;

г) возрастает роль идеологии, а также идеологических обоснований сверхсакрализации правителя (см.: [Claessen 1981; Muller 1981; Claessen, Oosten 1996a; 1996b]);

д) увеличиваются различия между аристократией и простонародьем; растет значение родословных и развивается архаизация генеалогий, то есть искусственное их удревление (о Греции см., например: [Курбатов 2006: 115]; о Полинезии — [Те Ранги Хироа 1959], о качинах Бирмы — [Leach 1970])¹²; возрастает значимость и сложность ритуальной стороны (процесса сакрализации, придворного церемониала, интронизации и т.п., см. в отношении вождеств, например: [Muller 2008]; см. также [Skalník 1996]).

В отношении политическом усиливается и окончательно закрепляется отделение власти от общества, а отсечение доступа к власти для каких-то групп и слоев становится жестче. Начинается выделение из властных функций административной и некоторых других (внешнеполитической, военной, судебной) функций (см., например:

[Service 1975]¹³. Во многих случаях семья (род, линидж) правителя приобретает совершенно особый и не сравнимый ни с каким иным статус (см., например: [Claessen 1981; Muller 1981]). Идет мощная интеграция, поэтому военно-политические союзы, конфедерации, различные объединения и договоры становятся нормой.

Противоречия в процессе поддержания неравенства в отношении собственно ранних государств возникали уже из того, что сам переход к государству и его развитие требовали достаточной гибкости, изменчивости, развития. А в традиционных обществах «святость» той или иной формы неравенства проистекает в значительной мере из ее «древности», предполагаемой неизменности и нерушимости. Между тем молодая государственная власть очень часто должна была бороться с аристократизмом элиты, брать себе в помощь людей не только с отсутствием аристократической родословной, но и с очень низким статусом, вплоть до рабов, что, естественно, меняло основания неравенства, устоявшуюся иерархию и функциональную дифференциацию (см.: [Гринин 2006; 2011; Grinin 2003; 2009]). Конфликты или противостояния между правителем и его родом также были обычным явлением. Подобно первому франкскому королю Хлодвигу, усилившиеся правители порой уничтожали своих родственников поголовно. Но даже при простом оттеснении родственников с первых ролей в управлении правитель должен был заменить критерий аристократизма и близости к родственной линии вождя новым критерием преданности. Так, по словам Т. Барфилда, Чингисхан поставил лично преданную ему новую и разноплеменную элиту над собственной семьей, в результате чего монгольская военная организация стала не кульминацией развития степной традиции, а отклонением от нее (см.: [Barfield 1992: 197; Крадин, Скрынникова 2006: 457–458; Хазанов 2008: 259]).

Таким образом, роль политической сферы существенно возрастает. И все же политическая власть еще полностью не оторвалась от других видов власти. Особенно это заметно в аналогах раннего государства. Поэтому управление только в части политий стало сферой деятельности некой группы (слоя), реже — особого аппарата, частично или полностью специализирующихся на управлении. *Но в этом случае по-*

литической власти еще требуются крепкие подпорки (в виде института сакральности правителя; наличия ранней сословности; особой системы и идеологии родовитости, а также основанных на них собственности и богатства). Поэтому власть часто не может просто диктовать, а нуждается в согласительных процедурах (см., например: [Claessen, Skalník 1978a: 630]; см. также: [Кочакова 1999: 9]), поиске консенсуса, консультациях, согласии если не всего общества, то хотя бы наиболее влиятельной группы населения или элиты (см. также: [Skalník 1987; Скальник 1991]). Возникает определенный баланс между верховной властью с ее механизмами легитимации и правами социальных групп/сословий [Skalník 1996]. Значение указанных подпорок постепенно (хотя и медленно) все же уменьшается, а роль чисто управленческой и/или силовой стороны увеличивается. В тех же случаях, когда политогенез идет в направлении ослабления единоличной власти правителя к той или иной форме демократии (как это было в Афинах, других греческих полисах, Риме, Карфагене), растет роль правых и процедурных сторон выделения политической власти (о демократическом варианте политогенеза см. подробнее: [Гринин 2010; Grinin 2004]).

Политогенез и война

Из современных исследователей теорию влияния войн на политогенез и появление государства наиболее систематично и последовательно разрабатывает Р. Карнейро (см.: [Carneiro 1970; 1978; 1981; 1987a; 2000a; 2000b; 2002; 2003]). Однако эти теоретические разработки не стали достаточно общепризнанными, и многие исследователи не считают войну фундаментальным фактором государствогенеза (см. анализ причин занижения роли войны: [Ambrosino 1995])¹⁴.

По нашему мнению, отсутствие в процессе образования и формирования раннего государства военного фактора (в каком-либо виде) является предельно редким исключением. В отношении образования аналогов роль военного фактора тоже очень релевантна, но все же, кажется, в меньшей степени, чем при образовании государства. Под военным фактором мы понимаем ситуацию, так или иначе связанную либо с ведением войн (агрессивных или оборонительных), либо с подготовкой к ним, либо с прямым завоева-

нием (подчинением) каких-либо социумов с помощью военной силы. Ранние государства обычно начинались войнами и в редких случаях не вели их практически бесконечно¹⁵.

Однако важно отметить, что речь вовсе не должна идти о том, что в государствогенезе военный фактор всегда имеет определяющий характер. Мы говорим лишь о том, что военный фактор почти всегда присутствует в этом процессе, однако его вариации и степень влияния в разных ситуациях и обществах сильно разнятся. Иными словами, иногда он является решающим для государствогенеза, иногда — только одним из главных, иной раз — сопутствующим.

Очевидно, что никакой фактор, в том числе и военный, не может быть не только единственным, но даже основным для протекания в целом политогенеза и государствогенеза, хотя в отдельных конкретных случаях (и фазах) те или иные причины могут быть идентифицированы. Для перехода к ароморфозу эволюция требует существенного развития подсистем и характеристик. Но, как уже выше указывалось, в конкретных обществах обычно существует диспропорция: какие-то подсистемы и черты общества развиваются сильнее и быстрее, а какие-то намного слабее и медленнее. Поэтому комплексное эволюционное развитие в мир-системе в целом достигается за счет взаимодействия многих обществ. За счет взаимных влияний, соперничества и сотрудничества социальных групп отдельные достижения разных обществ предшествующих исторических поколений постепенно входят в систему многих конкретных обществ следующих генераций. Война в этом отношении способствует подготовке необходимых условий для эволюционного рывка и в целом ароморфоза.

И все же военный фактор имеет ряд особенностей по сравнению с другими. Во-первых, он может выступать одновременно и как внутренний, и как внешний, чего не скажешь, например, о сословном или классовом неравенстве. Во-вторых, он едва ли не чаще, чем остальные, требует разрыва с традицией, а переход к государству без такого разрыва почти невозможен или затруднен. В-третьих, война является наиболее жестким и быстрым орудием социального отбора, она лучше остальных факторов заставляет общества и элиты мобилизовать силы и ресурсы, напрягаться и активизироваться, менять стратегии. В-четвертых, при внутренней подготовлен-

ности и благоприятных обстоятельствах война — наиболее быстрый способ интеграции, кратчайший путь к решению многих проблем. В-пятых, поскольку по мере образования политических размеров до нескольких тысяч человек обнаруживался предел интеграции мирным путем, именно война становится важнейшим орудием интеграции, способствуя к тому же концентрации населения в определенных местах.

В целом, жизнь большинства как земледельческих племен и вожеств (например, ирокезов, кельтов, германцев), так и кочевых (скифов, половцев и многих других) наполнена войнами, грабежами, походами (см.: [Хазанов 2008]).

Однако очевидно, что для перехода к раннему государству нужны определенный объем прибавочного продукта и престижных благ, численность и плотность населения, нередко достаточная его культурная однородность, наличие более или менее развитой идеологии. Все это — та «питательная среда», внутри которой только и могут с достаточной силой идти процессы социального расслоения, аккумуляции ресурсов, возникновения центров власти. Естественно, что сама по себе война не может ни создать относительно избыточный продукт, ни увеличить население (в действительности уменьшает и то, и другое). Словом, подготовительная работа идет в основном за счет невоенных процессов. Поэтому война и даже завоевание без внутренней готовности хотя бы одного из враждующих обществ к такой трансформации не образуют государства. Простое вожество даже при самой удачной войне не станет государством, если для этого нет нужных экономических, идеологических и социальных предпосылок. Заслуга Р. Карнейро состояла в том, что он показал некоторые из возможных ситуаций, в которых война способна привести к переходу на новый уровень сложности¹⁶. Вместе с тем примеры Р. Карнейро в смысле их реальной значимости все-таки вызывают определенные сомнения, поскольку возможности войны влиять на процесс государствогенеза гораздо шире, чем только ситуации, вызванные средовой или социальной ограниченностью/замкнутостью (*circumcision*). С другой стороны, существует множество случаев, когда ситуация средовой ограниченности не приводила к сколько-нибудь радикальному росту социополитической сложности [Beliaev, Bondarenko, Korotayev 2001].

В связи со сказанным роль войны выглядит по-разному для образования первичных и вторичных государств. Если война, военный грабеж и военная эксплуатация становятся основой «политической экономии» общества (в том смысле, как этот термин понимает Т. Ёрл [Johnson, Earle 2000: 22–27]), главным источником обогащения, главным сектором интенсивного «хозяйствования», их роль в процессе политогенеза сильно повышается. Поэтому война нередко становилась основой создания материальной базы для вторичного и третичного государствогенеза, когда она начинала выполнять псевдопроизводственную роль для паразитирующего на ней общества. Особенно это было типично для кочевых обществ [Хазанов 2008]. Роль войны повышается также по мере формирования государственных институтов у соседей и их распространения, а также с развитием военного дела. В этом плане чем позднее шел государствогенез, тем заметнее в большинстве случаев была в нем роль войн, как завоевательных, так и оборонительных (см. подробнее: [Гринин 2011; Grinin 2003; 2009; Grinin, Korotayev 2009]).

Первичный государствогенез в зоне ирригационного хозяйства проходил в условиях относительно высокопродуктивного сельского хозяйства. И поскольку внутренний продукт был сравнительно велик, внешние источники обогащения играли меньшую роль. Но в условиях производства большого излишка и тем более демографического подъема (или даже взрыва) неизбежно возникали соперничество и борьба за первенство между образовавшимися политиями (см. обзор мнений по этому поводу для Египта: [Прусаков 1999: 61–63]). Мы считаем, что **война, образно говоря, в таких ситуациях играла роль своего рода формовочного процесса, который придавал уже готовой массе определенную форму, а изменениям — определенное направление.** Иными словами, войны в этих случаях способствовали быстрой трансформации аналогов государства в государство, увеличивали роль административных и силовых рычагов в управлении обществом (несколько понижая роль сакральных).

Мы считаем, что для рождения государства, как правило, требуется появление особых, необычных, новых условий и обстоятельств, экстремальных ситуаций, связанных с резким изменением привычной жизни, необходимостью новых

решений и реформ. И по нашему мнению, именно война чаще всего играла роль «спускового крючка» в процессе возникновения таких экстремальных ситуаций (подробнее об этом см.: [Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009]).

Во взглядах Х.Й.М. Классена на факторы государствогенеза есть важные и существенно сходные с нашими идеи. В то же время эти его идеи вступают в очевидное противоречие с его же подходами к роли войны в государствогенезе (см. подробнее: [Гринин 2006, 2011; Гринин, Коротаев 2009]). По мнению Классена, с которым мы согласны, помимо четырех основных причин для образования государства (нужного количества населения, определенной территории, продуктивного хозяйства, определенной идеологии), необходима еще такая, которая явится толчком для того, чтобы государство сформировалось. Эту причину, действительно, можно и нужно рассматривать как пятое необходимое условие. К такого рода причинам Классен относит угрозу нападений, как это было, например, с бецилеу на Мадагаскаре в XVII в.; недостаток продуктов и товаров, как в случае с ацтеками; появление новых идей и убеждений, как это было характерно для ранних государств Юго-Восточной Азии (см.: [Claessen 2004: 80–82]). Но среди таких провоцирующих нужное развитие причин он как-то упорно обходит войну. А какая еще такого рода причина может быть более распространенной, чем война? Мы во всяком случае другой не знаем¹⁷.

ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПРОЦЕССОВ ЭПОХИ ПЕРВИЧНОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА

Проведенный анализ процессов, моделей и направлений развития в эпоху первичного политогенеза, естественно, получился очень неполным. Тем не менее он позволяет сделать вывод, что длительное время ни функциональная дифференциация в рамках социальных систем, ни политогенез, ни социальная дифференциация и классовобразование, ни другие процессы не являлись чем-то ясно оформленным или совершенно отличным от других процессов трансформации обществ. Неудивительно, что в очень разнообразных и внешне, и по формам позднепервобытных явлениях и процессах можно найти немало общего и даже родственного (см.: [Гринин 2006; 2011; Grinin, Korotayev 2009]; см. также: [Попов

1993; 1995а; 1995б; 2000]). Только постепенно в них выкристаллизовались более ясные черты социогенеза, политогенеза, генезиса цивилизаций, этногенеза и т.п. А уже затем среди этих обозначившихся процессов стали выделяться и более узкие направления (например, процесс формирования государства дифференцировался от процесса образования аналогов государств в процессе общего политогенеза).

Развитие демографических, технологических и иных процессов привели к росту сетевых и иных связей, интеграции и учащению войн. Нападения соседей часто создавали прямую опасность не только для имущества, но и для свободы и жизни даже у сравнительно невоинственных народов (какими были, например, ительмены), тем не менее иногда вырезавших за недостаточное угощение на пиру весь острог [Крашенинников 1948: 190]. Нечего говорить о тех социумах, которые возвели набеги на соседей в ранг высшего достоинства. Опасности заставляли переселяться, гнали людей в укрепленные пункты (что нередко искусственно усиливало урбанизацию), вынуждали уходить под чью-то защиту, подталкивали к решению проблем своими силами путем самоорганизации [Гринин 2011].

Помимо внешних опасностей были и внутренние. Даже в крупных полициях порядок часто был крайне неустойчивым. «Достаточно было слуха, чтобы посеять панику, спровоцировать убийство или политические волнения. Заговоры и резня были делом обычным. Как только какой-нибудь правитель переставал нравиться, его свергали или казнили. Даже когда ничто не препятствовало свободному действию законов, соперничество, возникавшее между знатными людьми за получение магистратур, порождало внутренние распри, легко выливавшиеся во внутренние конфликты. Нередко какому-нибудь честолюбцу приходила мысль разрушить установленный порядок в своих интересах». Эта картина жизни галлов, которую рисует Э. Тевено [2002: 137], опираясь на свидетельства Юлия Цезаря, была характерна и для ряда других находящихся в неустойчивом бифуркационном состоянии обществ, как предгосударственных, так и аналоговых государству, а также для многих некрепких ранних государств.

Каждое общество в зависимости от природных и исторических условий, многих других объективных и случайных

факторов приобретало те или иные формы упорядочения внутренних и внешних отношений. Представляется важным подчеркнуть, что, как правило, эти формы были однобокими и неполными (по сравнению с эволюционно более поздними полными формами). В одних случаях более интенсивно шли религиозные процессы, в других — имущественное расслоение или специализация, в-третьих — выделялась аристократия, в-четвертых — складывались профессиональные «военные кадры». Но комплексного развития в каждом отдельном обществе, как правило, не было (подробнее см.: [Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009]). Только постепенно те или иные инновации, появившиеся в отдельных обществах, становились достоянием других.

Но для дальнейшего развития требовалось бóльшая корреляция между ростом различных подсистем. В конечном счете такой порядок возник в виде раннего государства и его аналогов. Только в результате этого младшего ароморфоза мир-система обрела некоторые черты зрелости, а макроэволюция совершила новый качественный («фазовый») переход.

¹ Потому ранее мы предлагали обозначать эти два типа политий двумя разными терминами, сохранив термин *бэнд* для обозначения эгалитарных примитивных политий и обозначая неэгалитарные примитивные политии как *локальные группы*; ведь, действительно, локальность неэгалитарных групп охотников-собирателей, концентрирующихся и структурирующихся вокруг тотемических центров, несравненно более выражена, чем среди постоянно делящихся и сливающихся эгалитарных групп [Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Коротаев 2003].

² Сходные оценки высказывал и Р.Л. Карнейро, впрочем, не упоминая при этом про аналоги [Carneiro 1981].

³ Кроме того, было показано, что не все ранние государства могли и реально становились развитыми (зрелыми) государствами (см., например: [Claessen, Skalnik 1978a; Claessen, Velde 1987b; Shifferd 1987; Skalnik 1996; Гринин 2010; Grinin 2008]).

⁴ Соответственно, развитые государства и их аналоги можно рассматривать как высокосложные общества, а зрелые аграрно-ремесленные общества — как сверхсложные.

⁵ Такие вполне удачные и емкие термины, как *сложное общество*, уровень *социокультурной сложности* и т.п., все же не решают проблему полностью. Отсутствие такого разделения довольно странно, учитывая, что в англоязычной литературе понятие *политические системы* давно и прочно вошло в оборот, по крайней мере с выхода в 1940 г. книги “*African Political Systems*” [Fortes, Evans-Pritchard 1987 [1940]]. А сами

концепции *политической системы и классификации типов политических систем* обстоятельно разработаны (см. подробнее: [Скальник 1991]). Возможно, связано это с тем, что базовая классификация всех политических систем, как справедливо замечает П. Скальник и другие (см.: [Скальник 1991]), была жестко, механически и антиисторично разделена на два главных идеальных типа: безгосударственные (акефальные) и государственные, что полностью игнорировало варианты эволюции сложных систем без образования государства.

⁶ Распространенным и, по-видимому, длительное время эволюционно ведущим был симбиоз сакрального и политического, например, в виде сосредоточения высшей сакральной и политической власти в руках вождя или царя. Однако пропорция политического и сакрального, равно как и взаимоотношения правителя и жречества, могли быть очень различными, что создавало многочисленные варианты полигенеза (некоторые примеры см., в частности: [Фрэзер 1980; Claessen, Oosten 1996a]).

⁷ Классическим является пример, когда вождь зулусов Чака применил новый вид холодного оружия, особого рода копье (*иклва*), на древке которого длиной в 1 м был насажен обоюдоострый стальной клинок длиной 15 см и шириной в 2–3 см, благодаря чему это оружие стало возможным использовать в ближнем бою, тогда как раньше метательные копья «ассегаи» использовались зулусами и их соседями только для дальнего боя (см., например: [Morris 1965: 17–69]). Это оружие во многом способствовало успехам его армии и образованию империи [Ritter 1955; Патцель 1902, 2: 116]. В результате из догосударственной эпохи зулусы вошли в государственную. Также общеизвестно, как изменилась военная сила степняков-кочевников с изобретением седла и стремени. Без последнего «никакое оружие, колющее или сабельное, не могло сколько-нибудь эффективно применяться конным воином» [Кардини 1987: 264].

⁸ В настоящей статье мы не имеем возможности подробно останавливаться на анализе понятия «племя» (о сложностях этого понятия см., например: [Бромлей 1982; Шнирельман 1982; Гиренко 1991; Куббель 1988б; Ольдерогге 1977; Тишков 1990; п'Битек 1979; Helm 1967]; см. также: [Коротаев 1995; Гринин 2011: 143–145]). Будет достаточно указать, что оно очень нечетко и многозначно, так как племенем могут называть и небольшую группу в 10–20 человек и крупные негосударственные народы в сотни тысяч и миллионы человек. В отношении стадийной характеристики племени также существует большое разнообразие мнений. Мы уже высказывали нашу точку зрения на эту проблему, исходящую из того, что племя в ряде раннеаграрных среднесложных обществ вполне может рассматриваться как аналог вождества (см., например: [Коротаев 1997; 2000; 2002; 2006; Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2009]; а также: [Dresch 1989; Southall 2000]).

⁹ Используя терминологию М. Фрида, можно было бы сказать, что шел процесс перехода от эгалитарных обществ к ранжированным.

Тем не менее даже в некоторых ранних государствах традиции эгалитарности могут быть очень заметными. Например, по мнению А. Трауборста [Trouwborst 2008: 168], в обыденной жизни в Бурунди (в 1958 г.) дистанция между властью и рядовыми людьми не была настолько большой, какой можно было бы ожидать. Вожди и простые люди разговаривали друг с другом и делали что-то без церемоний, рассматривая чужаков как себе равных.

¹⁰ Хотя вопрос о причинах первобытных войн и о том, можно ли называть такие стычки охотников и собирателей между собой войнами, является дискуссионным (см., например: [Harris 1991; Lorenz 1966; Brown 1987; Keeley 1996]).

¹¹ Но, разумеется, сами по себе войны не всегда ведут к качественному развитию, а могут быть просто образом жизни и средством «регулирувания» численности населения. Так было, скажем, у папуасов нагорья Новой Гвинеи, которые за тысячи лет не сумели сделать качественный рывок (то есть фазовый переход) от простого аграрного общества к сложному (и даже среднесложному) аграрно-ремесленному, от простых независимых общин к уровню хотя бы простых вожеств (см., например: [Бутинов 1968; 1980; 1995; 2000]).

¹² Отметим, впрочем, что не во всех архаических обществах все сверхглубокие генеалогии были обязательно поддельными, в некоторых из них содержится на удивление точная информация (см., например: [Коротаев 2006: 121–124; Robin, Gajda 1994]).

¹³ Например, иногда путем договоров условливались подчиниться какой-то третьей стороне либо выборным людям. Так, согласно Геродоту [История I: 96–100], например, был избран правитель в Древней Мидии (см.: [Дьяконов 1956: 176–180]; см. об этой роли монархов в Африке также: [Миллер 1984: 218–219]; о Древней Аравии см.: [Коротаев, Клименко, Прусаков 2007]).

¹⁴ Из ранних авторов, считавших, что государство рождается главным образом из завоевания одного народа другим, прежде всего нужно упомянуть Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера [Gumplowicz 1883; Oppenheimer 1926]; обзор теорий насилия см., например, в [Carneiro 1970]). Впоследствии такие подходы были справедливо отвергнуты как совершенно недостаточно учитывающие сложность исторической реальности, однако, как это часто бывает, с водой выплеснули и ребенка.

¹⁵ Поэтому заслуживают внимания высказывания о том, что государство создает войну, а война — государство [Tilly 1990], или «Полисы создавали войну, а война создавала полисы» [Hansen 2002: 39].

¹⁶ Например, ситуация, когда нехватка ресурсов и демографическое давление в местностях с определенным, например, как в Перу горным ландшафтом, могут вести к войне и в дальнейшем к образованию государства [Carneiro 1970].

¹⁷ В последнее время Классен существенно изменил свою позицию относительно роли войн.

Аверкиева Ю.П. 1978. Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты) // Североамериканские индейцы / Ред. Ю.П. Аверкиева. М.: Прогресс. С. 318–360.

Артемova О.Ю. 1987. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным). М.: Наука.

Артемova О.Ю. 1989. К проблеме первобытного эгалитаризма // ЛРДИВ. Ч. 3. С. 3–5.

Артемova О.Ю. 1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития / Ред. А.В. Коротаяев, В.В. Чубаров. М.: Институт истории СССР АН СССР. Т. I. С. 44–91.

Артемova О.Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // РФСС. С. 40–70.

Белков П.Л. 1993. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // РФСС. С. 71–97.

Березкин Ю.Е. 1994а. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера: этнографические тетради. СПб. Вып. 4. С. 5–19.

Березкин Ю.Е. 1994б. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная культура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // ВДИ. Вып. 3. С. 14–37.

Березкин Ю.Е. 1995а. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // РФПО. С. 62–78.

Березкин Ю.Е. 1995б. Модели среднемасштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // АПРГ. С. 94–104.

Березкин Ю.Е. 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // ВДИ. Вып. 2. С. 3–24.

Березкин Ю.Е. 2000. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ // АПЦ. С. 259–264.

Бромлей Ю.В. 1982. (ред.) Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука.

Бутинов Н.А. 1968. Папуасы Новой Гвинеи. М.: Наука.

Бутинов Н.А. 1980. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии) // Ранние земледельцы. Этнографические очерки / Ред. Н.А. Бутинов, А.М. Решетов. Л.: Наука. С. 110–143.

Бутинов Н.А. 1995. Папуа Новая Гвинея: властные структуры // Этнические аспекты власти / Ред. В.В. Бочаров. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т. С. 51–78.

Бутинов Н.А. 2000. Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). СПб.: Петербургское востоковедение.

Гиренко Н.М. 1991. Социология племени. Л.: Наука.

Гринин Л.Е. 2006. Раннее государство и его аналоги // РГАА. С. 85–163.

Гринин Л.Е. 2007. Зависимость между размерами общества и эволюционным типом политики // ИМ. С. 263–303.

Гринин Л.Е. 2009. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. 2-е изд. М.: Либроком.

Гринин Л.Е. 2010. Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому. 2-е изд., испр. М.: Либроком.

Гринин Л.Е. 2011. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. 2-е изд. М.: Либроком.

Гринин Л.Е. 2012. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // РФПС.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2007. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // ФО. № 2. С. 19–66; № 3. С. 5–48; № 4. С. 17–50.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2009. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: КомКнига/УРСС.

Гринин Л.Е., Марков А.А., Коротаев А.В. 2008. Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: ЛКИ/ URSS.

Даунс Д.Д. 1978. Калифорния // Североамериканские индейцы / Ред. Ю.П. Аверкиева. М.: Прогресс. С. 286–317.

Дьяконов И.М. 1956. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс.

Коротаев А.В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // АО. С. 136–191.

Коротаев А.В. 1995. «Апология трайбализма»: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // Социологический журнал. № 4. С. 68–86.

Коротаев А.В. 1997. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М.: Восточная литература.

Коротаев А.В. 2000. От государства к вожеству? От вожества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // РФСО. С. 224–302.

Коротаев А.В. 2002. Проникновение кочевников на юг Аравии и становление племенной организации среди земледельческого населения Северо-Восточного Йемена // КАСЭ. С. 155–164.

Кортаев А.В. 2003. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература.

Кортаев А.В. 2006. Социальная история Йемена. М.: КомКнига/URSS.

Кортаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б. 2007. Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст. М.: ОГИ.

Кортаев А.В., Крадин Н.Н., Лыниша В.А. 2000. Альтернативы социальной эволюции // АПЦ. С. 24–83.

Кортаев А.В., Халтурина Д.А., Божевольнов Ю.В. 2010. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны. 3-е изд. М.: КомКнига/URSS.

Кочакова Н.Б. 1999. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М.: Институт Африки РАН.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. 2006. Империя Чингисхана. М.: Восточная литература.

Крашенинников С. 1948. Описание земли Камчатки. М.: ОШЗ.

Куббель Л.Е. 1988а. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовобразования / Ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука. С. 140–269.

Куббель Л.Е. 1988б. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука.

Курбатов А.А. 2006. Аристократия Древней Греции в VIII–VI вв. до н.э. // ВИ. № 10. С. 115–123.

Леви-Строс К. 1984. Печальные тропики. М.: Мысль.

Миллер Дж. 1984. Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе. М.: Наука.

Неусыхин А.И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ / Ред. Л.В. Данилова. М.: Наука. С. 569–617.

Новожилова Е.М. 2000. Традиционные тайные общества Юго-Восточной Нигерии (потестарные аспекты функционирования) // РФСО. С. 109–122.

Ольдерогге Д.А. 1977. Проблемы этнической истории Африки // Этническая история Африки / Ред. Д.А. Ольдерогге. М.: Наука. С. 3–17.

п'Битек О. 1979. Африканские традиционные религии. М.: Наука.

Попов В.А. 1993. (ред.) Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. М.: Восточная литература.

Попов В.А. 1995а. Политогенетическая контроверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности // РФПО. С. 188–204.

- Попов В.А.* 1995б. (ред.) Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Вост. лит-ра РАН.
- Попов В.А.* 2000. Предисловие // РФСО. С. 3–7.
- Прусаков Д.Б.* 1999. Природа и человек в Древнем Египте. М.: Московский лицей.
- Ратцель Ф.* 1902. Народоведение: в 2 т. СПб.: Просвещение.
- Родионов М.А.* 1994. Этнография Западного Хадрамаута. М.: Восточная литература.
- Скальник П.* 1991. Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // СЭ. № 3. С. 144–146.
- Те Ранги Хироа (П. Бак).* 1959. Мореплаватели солнечного восхода. М.: Государственное издательство географической литературы.
- Тевено Э.* 2002. История галлов. М.: Весь мир.
- Тишков В.А.* 1990. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. № 12. С. 3–15.
- Файнберг Л.А.* 1968. Первобытнообщинные отношения и их разложение у полярных эскимосов Гренландии // Разложение родового строя и формирование классового общества / Ред. А.И. Першиц. М.: Наука. С. 167–189.
- Фрейхен П.* 1961. Зверобой залива Мелвилла. М.: Географиздат.
- Фрэнгер Дж.Дж.* 1980 [1923]. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат.
- Хазанов А.М.* 2008. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ.
- Чудинова О.Ю.* 1981. Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии // Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография / Отв. ред. К.В. Малаховский. М.: Наука. Вып. 1. С. 220–237.
- Шнирельман В.А.* 1982. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / Ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука. С. 207–252.
- Шнирельман В.А.* 1986. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Ред. Ю.В. Бромлей, А.И. Першиц, В.А. Шнирельман. М.: Наука. С. 236–426.
- Шнирельман В.А.* 1988. Канаки // Народы мира / Ред. Ю.В. Бромлей. М.: Советская энциклопедия. С. 200.
- Шнирельман В.А.* 1989. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука.
- Шнирельман В.А.* 1993. Рыболовы Камчатки: экономический потенциал и особенности социальных отношений // РФСО. С. 98–121.
- Эванс-Причард Э.Э.* 1985. Нуэры: пер. с англ. М.: Наука.

- Ambrosino J.N.* 1995. Inter-Societal Contact and the Rise of the State: A Brief Note from Work in Progress // APES. P. 54–59.
- Barfield T.J.* 1992. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge, MA: Blackwell.
- Beliaev D.D., Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* 2001. Origins and Evolution of Chiefdoms // Reviews in Anthropology. № 37. P. 387–409.
- Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotayev A.V.* 2002. Alternative Pathways of Social Evolution // SEH. № 1. P. 54–79.
- Brown S.* 1987. The Causes and Prevention of War. N.Y., NY: St. Martin Press.
- Burdeau G.* 1966. Droit constitutionnel et institutions politiques. P.: LGDJ.
- Carneiro R.L.* 1967. On the Relationship between Size of Population and Complexity of Social Organization // Southwestern Journal of Anthropology. № 23. P. 234–243.
- Carneiro R.L.* 1970. A Theory of the Origin of the State // Science. № 169. P. 733–738.
- Carneiro R.L.* 1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // OS. P. 205–223.
- Carneiro R.L.* 1981. The Chiefdom: Precursor of the State // Jones G.D., Kautz R.R. (eds.) The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, UK; N.Y., NY: Cambridge University Press. P. 37–79.
- Carneiro R.L.* 1987a. Cross-Currents in the Theory of State Formation // AE. № 14. P. 756–770.
- Carneiro R.L.* 1987b. The Evolution of Complexity in Human Societies and Its Mathematical Expression // International Journal of Comparative Sociology. № 28 (3–4). P. 111–128.
- Carneiro R.L.* 2000a. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // ASE. P. 52–58.
- Carneiro R.L.* 2000b. The Muse of History and the Science of Culture. N.Y.: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
- Carneiro R.L.* 2002. Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? // SEH. № 1 (1). P. 80–100.
- Carneiro R.L.* 2003. Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History. Boulder, CO: Westview.
- Chabal P., Feinman G., Skalnik P.* 2004. Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics // ESAA. P. 46–60.
- Claessen H.J.M.* 1981. Specific Features of the African Early State // Claessen, Skalnik 1981. P. 59–86.
- Claessen H.J.M.* 2004. Was the State Inevitable? // ESAA. P. 72–87.
- Claessen H.J.M., Oosten J.G.* 1996a (eds.). Ideology and the Formation of Early States. Leiden: Brill.
- Claessen H.J.M., Oosten J.G.* 1996b. Introduction // Claessen, Oosten 1996a. P. 1–23.

- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1978a. Limits: Beginning and End of the Early State // *Claessen, Skalnik* 1978d. P. 619–636.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1978b. The Early State: Theories and Hypotheses // *Claessen, Skalnik* 1978d. P. 3–29.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1978c. The Early State: Models and Reality // *Claessen, Skalnik* 1978d. P. 637–650.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1978d. (eds.) *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* 1981. (eds.) *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de.* 1987a. (eds.) *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de.* 1987b. Introduction // *Claessen, Velde van de* 1987a. P. 1–23.
- Dresch P.* 1989. *Tribes, Government, and History in Yemen*. Oxford: Oxford University Press.
- Earle T.K.* 1987. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // *ARA*. Vol. 16. P. 279–308.
- Earle T.K.* 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Earle T.K.* 2001. Institutionalization of Chiefdoms. Why Landscapes Are Built // *Haas J.* (ed.) *From Leaders to Rulers*. N.Y.: Kluwer. P. 105–124.
- Ekholm K.* 1977. External Exchange and Transformation of Central African Social Systems // *Friedman J., Rowlands M.* (eds.) *The Evolution of Social Systems*. L.: Duckworth. P. 115–136.
- Feinman G.M.* 1998. Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State // *AS*. P. 95–133.
- Fortes M., Evans-Pritchard E.E.* (eds.) 1987 [1940]. Introduction // *APS*. P. 1–24.
- Godelier M.* 1978. Infrastructure, Society and History // *CA*. № 19. P. 763–771.
- Grinin L.E.* 2003. The Early State and Its Analogues // *SEH*. № 1. P. 131–176.
- Grinin L.E.* 2004. Early State and Democracy // *ESAA*. P. 419–463.
- Grinin L.E.* 2006. Periodization of History: A Theoretic-mathematical Analysis // *Grinin L.E., Munck V. de, Korotayev A.V.* (eds.) *History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development*. Moscow: KomKniga/URSS. P. 10–38.
- Grinin L.E.* 2007a. Alternativity of State Formation Process: The Early State vs. State Analogues: Third International Conference 'Hierarchy and Power in the History of Civilizations' (June 18–21, 2004, Moscow) // *Bondarenko D.M., Nemirovskiy A.A.* (eds.) *Selected Papers I: Alternativity in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy*

as Evolutionary Trajectories. Moscow: Centre for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 167–183.

Grinin L.E. 2007b. Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach // SEH. № 6 (2). P. 11–55.

Grinin L.E. 2007c. Production Revolutions and the Periodization of History // Herald of the Russian Academy of Sciences. № 77 (2). P. 150–156.

Grinin L.E. 2008. Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence // SEH. № 7 (1). P. 67–81.

Grinin L.E. 2009. The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation // SEH. № 8 (1). P. 92–132.

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2006. Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis // Turchin P., Grinin L., Korotayev A., Munck V. de. (eds.) History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies. Moscow: Kom-Kniga/URSS. P. 115–153.

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2009. The Epoch of Primary Politogenesis // SEH. № 8 (1). P. 52–91.

Gumplowicz L. 1883. Der Rassenkampf. Innsbruck: Wagner.

Gunawardana R.A.L.H. 1981. Social Function and Political Power: A Case Study of State Formation in Irrigation Society // Claessen, Skalnik 1981. P. 219–245.

Hansen M.H. 2002. Was the *Polis* a State or a Stateless Society? // Nielsen T.H. (ed.) Even More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart: Steiner. P. 17–47.

Harris M. 1991. Cannibals and Kings. N.Y.: Vintage Books.

Helm J. 1967 (ed.). Essays on the Problem of Tribe. Seattle, WA: American Ethnological Society.

Johnson G.A. 1978. Information Sources and the Development of Decision Making Organizations // Redman C. (ed.) Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating. N.Y.: Academic Press. P. 87–112.

Johnson G.A. 1981. Monitoring Complex System Integration and Boundary Phenomena with Settlement Size Data // Leeuw S.E. van der. (ed.) Archaeological Approaches to the Study of Complexity. Amsterdam: van Giffen Instituut voor Prae-en Protohistorie. P. 144–188.

Johnson G.A. 1982. Organizational Structure and Scalar Stress // Renfrew C. (ed.) Theory and Explanation in Archaeology. L.; N.Y.: Academic Press. P. 389–421.

Johnson A.W., Earle T.K. 2000. The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. 2nd ed.. Stanford, CA: Stanford University Press.

Keeley L. 1996. War before Civilization. N.Y.: Oxford University Press.

- Korotayev A.V., Bondarenko D.M.* 2000. Polygyny and Democracy: A Cross-Cultural Comparison // CCR. № 34 (2). P. 190–208.
- Korotayev A., Kradin N., Munck V. de, Lynsha V.* 2000. Alternatives of Social Evolution: Introductory Notes // ASE. P. 12–51.
- Kurtz D.V.* 2008. Social Boundaries Networks and the Vertical Entrenchment of Government Authority in Early State Formations // SEH. № 7 (1). P. 131–153.
- Leach E.R.* 1970. Political Systems of Highland Burma. Boston, MA: Beacon Press.
- Lewis H.S.* 1981. Warfare and the Origin of the State: Another Formulation // Claessen, Skalnik 1981. P. 201–221.
- Lorenz K.* 1966. On Aggression. N.Y.: Harcourt Brace.
- Morris D.R.* 1965. The Washing of the Spears: the Rise and Fall of the Zulu Nation. Pimlico: Jonathan Cape.
- Muller J.-C.* 1981. ‘Divine Kingship’ in Chiefdoms and States. A Single Ideological Model // Claessen, Skalnik 1981. P. 239–250.
- Muller J.-C.* 2008. Political Structure and Its Ritual Expression. The Symbolism of Initiation Rites in Two Chiefdoms // SEH. № 7 (1). P. 154–165.
- Oppenheimer F.* 1926 [1909]. The State. N.Y.: Vanguard.
- Ritter E.A.* 1955. Shaka Zulu: The Rise of the Zulu Empire. L.; N.Y.; Toronto.
- Robin C., Gajda I.* 1994. L’inscription du Wadi ‘Abadān // Raydān. № 6. P. 113–137, pl. 49–60.
- Sahlins M.D.* 1972a [1958]. Social Stratification in Polynesia. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Sahlins M.D.* 1972b. Stone Age Economics. N.Y.: Aldine de Gruyter.
- Schaedel R.* 1978. Early State of the Incas // Claessen, Skalnik 1978d. P. 289–320.
- Service E.R.* 1975. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y.: Norton.
- Shiffard P.A.* 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States // Claessen, Velde van de 1987a. P. 39–53.
- Skalnik P.* 1987. On the Inadequacy of the Concept of ‘Traditional State’ (Illustrated by Ethnographic Material on Nanun, Ghana) // Journal of Legal Pluralism. № 25–26. P. 301–325.
- Skalnik P.* 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana // Claessen, Oosten 1996a. P. 84–98.
- Smelser N.J.* 1988. Sociology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Southall A.* 2000. On the Emergence of States // ASE. P. 150–153.
- Spencer C.S.* 2000. The Political Economy of Pristine State Formation // ASE. P. 154–165.
- Tilly C.* 1990. Coercion, Capital, and European States. A.D. 990–1990. Cambridge, MA: Basil Blackwell.

Townsend J. B. 1985. The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms // Claessen H.J.M., Velde P. van de, Smith E.M. (eds.) Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization. South Hadley, MA: Bergin & Garvey. P. 141–155.

Trouwborst A.A. 2008. The End of the Early State: The Case of Burundi // SEH. № 7 (1). P. 166–170.

Webb M.C. 1975. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // Lamberg-Karlovsky C., Sabloff J. (eds.) Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press. P. 155–210.

Wittfogel K.A. 1957. Oriental Despotism. New Haven, CT: Yale University Press.

Woodburn J.C. 1972. Ecology, Nomadic Movement and the Composition of the Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and Its Implications // Ucko P.J., Tringham R., Dimbleby G. W. (eds.) Man, Settlement, and Urbanism. L.: Duckworth. P. 193–206.

Woodburn J.C. 1979. Minimal Politics: The Political Organization of the Hadza of North Tanzania // Shack W.A., Cohen P.S. (eds.) Politics in Leadership: A Comparative Perspective. Oxford: Clarendon Press. P. 244–266.

Woodburn J.C. 1980. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past // Gellner E. (ed.) Soviet and Western Anthropology. L.: Duckworth. P. 95–117.

Woodburn J.C. 1982. Egalitarian Societies // Man. № 17. P. 431–451.

Woodburn J.C. 1988a. African Hunter-Gatherer Social Organization. Is It Best Understood as a Product of Encapsulation // Ingold T., Riches D., Woodburn J. (eds.) Hunters and Gatherers. Vol. 1: History, Evolution and Social Change. Oxford: Berg Publishers.

Woodburn J.C. 1988b. Some Connections between Property, Power, and Ideology // Ingold T., Riches D., Woodburn J. (eds.) Hunters and Gatherers. Vol. 2: Property, Power and Ideology. Oxford: Berg Publishers. P. 10–31.